

„На днѣ“

Максима Горькаго.

ГИМНЪ ЧЕЛОВѢКУ,

Ст. В. Дорошевича *).

„Человѣкъ—вотъ правда! Что такое человѣкъ? Это не ты, не я, не они.. нѣтъ! Это ты я, они, Наполеонъ, Магометъ. По нимаешь? Это огромно. Въ этомъ всё начала и концы. Все въ человѣкѣ, все для человѣка все же остальное дѣло его рукъ и его мозга. Человѣкъ! Это великолѣпно. Это звучитъ гордо Человѣкъ! Надо уважать человѣка. Не жалѣть, не унижать его жалостью. Уважать надо! Выпьемъ за человѣка, баронъ!“

Сатинъ. „На днѣ“ 4 й актъ.

На днѣ гниютъ утонувшіе люди.

Въ ночлежкѣ живутъ какой-то баронъ, прошедшій арестантскія роты, „дѣвица“, гуляющая по тротуару, спившійся актеръ, телеграфистъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за убійство, воръ, „наслѣдственный воръ“, еще отецъ его былъ воромъ и умеръ въ тюрьмѣ.

Отъ нихъ смердитъ.

Бывшій баронъ за рюмку водки становится на четвереньки и лаеетъ по—собачьи. Бывшій телеграфистъ занимается шулерничествомъ. Дѣвица „гуляетъ“. Воръ воруетъ.

И они приняхались къ смраду другъ отъ друга.

Баронъ пропиваетъ деньги „дѣвицы“. Актеръ пропиваетъ деньги шулера. Воръ у нихъ первый человѣкъ.

— Нѣтъ на свѣтѣ людей лучше воровъ!

— Имъ легко деньги достаются.

— Многимъ деньги легко достаются, да немногіе легко съ ними расстаются.

Имъ не смердитъ другъ отъ друга. Чему возмущаться? Совѣсти?

— Всякій человѣкъ хочетъ, чтобы *сосѣдь* его совѣсть имѣлъ.

— Все слияло, одинъ голый человѣкъ остался.

Люди, какъ видите, „конченные“.

Бывшіе люди.

Все сгорѣло. Груды пепла.

Но дотроньтесь. Пепелъ теплый. Гдѣ то подъ пепломъ теплится огонекъ. Теплится.

— Увсѣхъ людей души сѣренкія, — всѣ подумянятся хотять.

Вотъ это „подумянить душу“ и есть чело-вѣческое, „das ewig menschliches“.

Баронъ подумяниваетъ себѣ душу тѣмъ, что вспоминаетъ, какъ онъ „благородно“ пилъ по утрамъ кофе со сливками, какъ у него были предки и лакеи.

Актеръ подумяниваетъ душу тѣмъ, что съ горлостью произноситъ „громкое“ названіе своей болѣзни:

— Мой организмъ отравленъ алкоголемъ!

Не просто пьяница, а нѣчто звучное:

— Организмъ отравленъ алкоголемъ!

Звучитъ „благородно“.

„Дѣвица“ читаетъ благородные романы гдѣ все самая возвышенная любовь и самопожертвованіе. И воображаетъ себя на мѣстѣ героинь. И вѣрить этому.

Телеграфистъ произноситъ „необыкновенныя слова“:

— Органонъ... Транс цен ден-тальный.

— Надоѣли мнѣ, братъ, всѣ чело-вѣческія слова. Всѣ наши слова надоѣли. Каждое изъ нихъ слышалъ я, навѣрное, тысячу разъ!

Глупы эти люди, не правда ли? И румяна у нихъ грошевыя?

И вдругъ эти „сѣренкія души“ вспыхиваютъ яркимъ румянцемъ. Не румянцемъ грошевыхъ румянъ. А настоящимъ, чело-вѣческимъ румянцемъ.

Что случилось?

Въ ночлежку пришелъ старикъ бродяга Лука. И раздулъ пламя, которое таялось подъ грудю пепла.

И изъ этой груды грязи, навоза, смрада, отрепьевъ, гнусности, преступленія—вызвалъ человѣка.

Человѣка во всей его красотѣ.

Человѣка во всей его прелести мысли и чув-ства.

Какъ случилось такое чудо?

Лука не проповѣдникъ.

Лука суетливый старикашка, онъ говорить забавно и наивно.

Но каждое его слово сейчасъ же переходитъ въ дѣло.

*) Рус. Слово

Онъ проповѣдуетъ дѣлами,—и въ этомъ, какъ въ толстовскомъ Акимѣ,—его сила.

Лука съ полицейской точки зрѣнія—темная личность. Съ нашей, обыкновенной:

— Потерялъ всякую нравственную брезгливость.

Онъ входитъ со словами:

— Мнѣ все равно. Я и жуликовъ уважаю. По моему, ни одна блоха не плоха. Всѣ черненькія, всѣ прыгають.

Лука полонъ вѣры въ человѣка.

— А какъ ты думаешь, добьются люди правды?

— Да ужъ разъ взялись,—какъ же не добьются. Люди добьются.

Мира будущаго человѣку бояться нечего:

— Ты, Анна, не бойся. Ты неба не бойся.

Преставишься ты, и скажетъ Господь: „Приведите ко мнѣ Анну. Я эту Анну знаю. Эта Анна много страдала, много мучилась въ жизни. Отведите Анну теперь на покой. Пусть Анна отдохнетъ“.

У Луки религія человѣка.

Всегда во всемъ у него прежде всего „человѣкъ“.

Эта любовь къ человѣку ведетъ его, и ведетъ правильно, даже тамъ, гдѣ онъ, какъ въ туманѣ, ничего не понимаетъ.

Спившійся актеръ старается припомнить стихотвореніе:

— Самое любимое стихотвореніе! Я всегда его со сцены читалъ! Забылъ! Забылъ!

И это, казалось, бы непонятное для Луки горе сразу находитъ въ его сердцѣ самый настоящій, человѣческій откликъ.

— Какъ не понять? Легко ли! Даже самое любимое для человѣка забыть!

„Дѣвица“ рыдаетъ:

— Вѣрно это, все вѣрно написано! Со мной это было! Со мной! Студентъ онъ былъ. Гастошей звали!

Баронъ хохочетъ:

— А въ прошлый разъ звалъ Раулемъ!

— Въ лаковыхъ сапожкахъ онъ былъ! Съ бородкой!

Лука слушаетъ съ сочувствіемъ.

— Гастошей, говоришь? Въ лаковыхъ сапожкахъ? Скажи, пожалуйста!

„Религія человѣка“, которой онъ весь пропитанъ, инстинктивно подсказываетъ ему:

— Здѣсь, въ этихъ мечтахъ, самое дорогое для *человѣка*.

„Религія человѣка“ подсказываетъ Лукѣ, что какому человѣку сейчасъ нужно.

Боленъ человѣкъ,—его надо отвести на воздухъ. Умираетъ человѣкъ,—его надо успокоить, чтобъ не боялся. Убить человѣка хочеть,—ему нужно какъ нибудь невзначай помѣшать.

Актеръ въ отчаяньи:

— Отравленъ алкоголемъ.

Лука рассказываетъ ему о больницѣ, гдѣ отъ этого лѣчатъ. Есть такая больница:

— Только приходи! Узнаемъ, гдѣ,—и иди.

Онъ ничего не проповѣдуетъ. Онъ суетится и дѣлаетъ.

Онъ говоритъ, дѣлая.

Онъ и говоритъ и дѣлаетъ весело, съ шутками, поетъ пѣсни.

Ему, полному „религіи человѣка“, свѣтло и радостно. Онъ въ храмѣ своего божества. Кругомъ столько людей. И каждому *можно* помочь.

Для него нѣтъ ни дурныхъ, ни плохихъ, ни ужасныхъ, ни страшныхъ. Для него есть люди. Просто люди. Только люди.

И оттого онъ со всѣми одинаковъ. И оттого онъ веселъ, говоря съ человѣкомъ.

— Что то я тебя не знаю! — говоритъ ему мрачно городской.

— А другихъ то людей развѣ всѣхъ знаешь? —весело шутить съ нимъ Лука.

— Въ моемъ околоткѣ всѣхъ.

— Ну, такъ это, значитъ, оттого, что не вся земля въ твоемъ околоткѣ.

Лука начинаетъ пѣсню.

— Не вой!—останавливаетъ его одинъ изъ ночлежниковъ.

— А развѣ не любишь, когда поютъ?

— Люблю, когда хорошо.

— А я, значитъ, плохо? Скажи, пожалуйста! А я думалъ, хорошо. Всегда вотъ такъ то. Человѣкъ думаетъ, что хорошо дѣлаетъ. А другимъ то видать, что плохо.

И перестаетъ пѣть.

Потому что онъ не можетъ стѣснять *человѣка*. Не можетъ нарушать правъ *человѣка*. Не можетъ доставлять неприятности *человѣку*.

Какъ на свѣтломъ пирѣ онъ и въ ночлежкѣ. Потому что кругомъ есть люди.

Къ вору относились всѣ какъ къ вору. Барону кололи глаза:

— Баринѣмъ былъ!

„Дѣвицѣ“ говорили только:

— Ты кто? Ты вотъ кто!

Актеру:

— Ты проповица!

Телеграфисту:

— Шулеръ,—и больше ничего.

И вотъ пришелъ человѣкъ, который отнесся къ нимъ, какъ къ людямъ. Только какъ къ людямъ. Увидѣлъ въ нихъ людей. Только людей.

Къ каждому подошелъ:

— Человѣкъ.

Что этому *человѣчку* сейчасъ нужно? И что для этого *человѣчка* сейчасъ сдѣлать?

— Человѣкъ!

И отъ этого обращенія „человѣкъ“, драматическій человѣкъ проснулся и поднялся во всей гордости своей, во всей своей прелести мысли и чувства.

Какъ видите, и чуда здѣсь никакого не было.

Лука не создавалъ здѣсь человѣка.

Человѣкъ здѣсь былъ. Человѣкъ спалъ. Человѣкъ проснулся.

И только.

И только душа его, вмѣсто грошевыхъ румянъ, залилась, зардѣлась настоящимъ, человѣческимъ румянцемъ.

И страшно, и радостно, и гордо было пробужденіе человѣка.

Актеръ не захотѣлъ больше жить среди грязи, смрада, паденія и удавленія.

Воръ готовъ былъ бросить свое воровское дѣло:

— Мнѣ съ дѣтства твердили: воръ, воровъ сынъ. Я и говорилъ: я и покажу, какой я воръ. И показывалъ.

Теперь человѣкъ въ немъ потребовалъ человѣческаго къ себѣ отношенія.

— Относись,—говоритъ онъ любимой дѣвушкѣ,—ко мнѣ по-человѣчески, и я человѣкомъ буду.

И когда Сатинъ, бывший арестантъ, шулеръ, въ ночлежномъ домѣ подвинулся со своимъ тостомъ.

— Выпьемъ за человѣка, баронъ!

Вы, зритель, почувствовали, что онъ, бывший арестантъ, шулеръ, ночлежникъ, выше васъ въ эту минуту и умственно, и нравственно.

Потому что въ васъ человѣкъ спитъ,—а тутъ человѣкъ всталъ, подвинулся во весь свой ростъ, во всей красотѣ мысли и чувства.

Кто пробудилъ эти мысли? Кто заставилъ эти умы и чувства работать?

Лука.

Солнце заглянуло въ ночлежку.

И полъ залился солнцемъ, и веселые зайчики заиграли по стѣнамъ. И все стало радостно. И много, много всего освѣтило солнце. И свѣтлы стали закоулки душъ.

Что изъ этого получилось?

Ничего.

Ничего реального.

Дѣвица пойдетъ на тротуаръ. Иначе ее изъ ночлежнаго дома прогонять. Васька Пепель, отсиживъ въ острогѣ, опять воровать примется. Что-жъ ему другое дѣлать? Сатинъ, послѣ монологовъ: „человѣкъ, это звучитъ гордо“,—будетъ шулерничать попрежнему.

Жизнь этого требуетъ.

Жизнь такъ сложилась, что они не могутъ, не могутъ быть иными.

Только развѣ удавиться, какъ актеръ.

Ничѣмъ не кончилось, ничѣмъ не могло кончиться. Въ жизни ничто не кончается ничѣмъ.

Жизнь илетъ, идетъ, идетъ кругомъ, какъ колесо!

Но среди безпросвѣтнаго мрака была минута,—когда ярко свѣтило солнце.

Но по щекамъ блѣднымъ, исхудалымъ, мертвымъ,—была минута,—разлился яркій, живой, горячій, радостный румянецъ.

Мгновенье! Будь благословенно! Ты было прекрасно.

На минуту проснулся человѣкъ.

Во всей своей человѣческой прелести, во всемъ своемъ человѣческомъ совершенствѣ.

И дивное зрѣлище неописанной красоты представилось нашимъ глазамъ.

Подъ грязью, подъ смрадомъ, подъ гнусностью, подъ ужасомъ, въ ночлежкѣ среди отребьевъ:

— Живъ человѣкъ!

Это пѣса—пѣснь. Это пѣса—гимнъ человѣку.

Она радостна и страшна.

Страшна.

Видя „на двѣ“ гнѣющихся, утонувшихъ людей, вы говорите своей совѣсти:

— Что жъ! Они ужъ мертвые. Они ужъ не чувствуютъ.

Вы спокойны, что бы съ нимъ вы дѣлали?

И вотъ вы въ ужасѣ отступаете:

— Они еще живые!